

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(571.1/.5):323.2(1-22)

Е. Н. Шуранова

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН И ДЕРЕВЕНСКИХ КОММУНИСТОВ В 1924-1925 гг.

Отношение сибирских крестьян к РКП(б) в целом и сельским её членам в частности было неоднозначным. Оно определялось целым рядом факторов. Беднота нередко разделяла мнение более зажиточной части деревни, что Советская власть и Коммунистическая партия слабо учитывают интересы крестьянства. К примеру, заявления негативного характера в адрес сельских коммунистов звучали из уст рядовых военнослужащих частей, расквартированных в Сибири. Красноармеец Т. 105 полка 35 дивизии в октябре 1924 г. говорил: «Соввласть ничего хорошего не дала, партийных надо бить из-за угла, потому что все они хороши и много говорят, за что получают деньги». В том же месяце некоторые красноармейцы 6 полка 2 дивизии высказывали аналогичное мнение: «Среди коммунистов нет честных людей ни одного, они их не держат у себя и вообще коммунисты и только и годны для того, чтобы у крестьян хлеб отбирать. Все они сволочи»[10; 69, 70]. Довольно резкое высказывание середняков села Голубцово Белоярского района Барнаульского уезда зарегистрировала сводка информационного отдела ОГПУ о политических настроениях деревни в начале января 1925 г. Крестьяне говорили: «Хорошо живется только коммунистам, они всем управляют, в коммунисты записываются только бедняки, ибо им нигде не найти службы без партии»[12; 1].

Неприязнь к коммунистам выражалась не только словесно. В фонде Сибревкома отложилась огромная по объёму сводка за май-октябрь 1924 г.[10; 164-178]. В конце её под характерным заголовком приводятся статистические данные (таблица).

Пострадавшими от угроз, избиений и попыток убийства были обычно сельские активисты: партийцы и комсомольцы, которым припоминали развёрстку и первую продналоговую кампанию, члены комиссий по выявлению объектов налогообложения и комитетов крестьянской взаимопомощи, борцы с самогоноварением, батраки и т. д. При этом, судя по описанию фактов, из 8 убийств, совершенных в Новониколаевской губернии, три были совершены на почве совместного с кулаками пьянства. Угрозы и избиения тоже нередко происходили в пьяной атмосфере, в качестве причины их упоминаются также личные счёты. Итак, «кулацкий террор» представлял собой во многих случаях пьяные драки, стихийные вспышки неприязни. Если бы пострадавший не был коммунистом или сельским должностным лицом из бедноты, никому бы в голову не пришло рассматривать это как «террор». Скорее, это рядовые социальные противоречия и обычная бытовая вражда. И уж, во всяком случае, «угрозы» никак не являются «активными действиями», тем более «террором». Всё же применение таких слов создавало яркий образ врага социалистического строительства.

Большинство партийных организаций в деревне держалось обособленно от крестьян, но и сами сибирские крестьяне нередко ограничивали себя от коммунистов. Показательны в этом отношении материалы обследования 1-й Барнаульской волости, которое было проведено по заданию ЦК РКП(б) в апреле 1924 г. Во-первых, коммунисты были, как правило, не деревенские; во-вторых – активно участвовали в продработе; в-третьих – комиссия сочла это главным – люди «нехозяйственные». Отчёт об обследовании констатировал

Активные действия (террор) кулачества

Таблица

Виды террора	Наименование губерний						Итого
	Ново-никол.	Том-ская	Иркут-ская	Енисей-ская	Алтай-ская	Омская	
Убийства	8	–	–	–	–	–	8
Избиения и попытки убийства	19	4	1	1	6	8	39
Угрозы	4	2	2	–	4	1	13
Поджоги	5	13	–	–	–	10	28

«...отчуждение от коммунистов, как от элемента пришлого, чуждого, не имеющего ни общего языка, ни общих повседневных будничных интересов с крестьянством». Партийная беднота не пользовалась авторитетом, поскольку крестьянское население «воспиталось на твёрдом убеждении, что материальное благополучие, в виде большого хозяйства, всецело зависит от самого себя». Коммунистов крестьяне этой волости характеризовали довольно язвительно: «чуть солнышко, он уж не емши – есть дома нечего – на сборне. Есть народ, так разговоры разводить, нет – брюхо греть на солнце, а дома последняя корова без сена пропала – привезти сена некогда». Помимо этого, отмечалось в отчёте, партийная работа была «непонятна и чужда» крестьянину: бесконечное число кампаний вызывало у них неудовольствие, а об улучшенных способах ведения хозяйства ни местные власти, ни партийные организации ничего не говорили[9; 42, 43].

В какой-то степени как показатель отношения к партии можно рассматривать оценку работы советов, поскольку практически до конца 1924 г. партийные организации стремились улучшить работу местных органов власти путём насаждения в них коммунистов или хотя бы комсомольцев. Одной из причин слабой работы советского аппарата было то, что руководители партии и государства пытались отбросить многовековые общинные традиции. Население же видело в сельском совете продолжение крестьянского мира – и вело себя соответственно. Крестьяне придерживались правила выбирать людей, показателем авторитета которых служило достигнутое ими благосостояние[6; 36]. Немаловажным было и такое соображение: случись растрата, зажиточный член сельсовета сможет ее покрыть, а с бедняка взять нечего. Особенно раздражали крестьян случаи нечистоты на руку, явленные коммунистами. Кроме деловых качеств, учитывалось сельскими избирателями и то, представителем какого социального слоя – бедняков, середняков или кулаков – был кандидат. Партийность при этом не играла определяющей роли. Крестьяне говорили: «Партия-то хороша, да наши коммунисты плохи»; «Хоть коммунист, да наших нужд не знает»[1; 15]. Как подметил председатель Павлоградского райисполкома Омского уезда Сергиенко, «авторитетность членов РКП(б) и РЛКСМ зависит от политической развитости таковых, хорошо развитые товарищи имели и имеют влияние. Особенно крестьяне не навидят коммунистов, которые не изжили военного коммунизма»[11; 42].

Следствием недоверия к деревенской политике РКП(б) было то, что осенние выборы 1924 г. в ряде регионов страны, в том числе в Сибири, проходили в условиях низкой явки избирателей, слабой работы общественных организаций. Основным фактором, вызвавшим индифферентность значительной части крестьянства к работе сове-

тов, Н. Я. Гущин и В. И. Ильиных обоснованно называют пережитки «военно-коммунистических» методов подхода к трудящимся, сущность которых заключалась в отступлении от демократических принципов[2; 114]. Больше всего возмущало крестьян желание партийных организаций навязывать свои кандидатуры. Они говорили: «Раз вы выставляете список фракции, то не надо было приглашать нас на собрание, выбрали бы одни»; «Нам нечего делать, всё равно коммунистов выберут»[7; 299-300; 19; 1]. Об этом же писал корреспондент «Советской Сибири»: «Избиратели не пришли на собрания не только потому, что советы были неавторитетны, но и по целому ряду других причин. В деревне укрепилось понятие, что в советах могут быть только “партийные”... Крестьяне в некоторых местах смирились с мыслью, что кроме коммунистов в сельсовете никому нельзя быть, поэтому понятие выборности начинает сливатся с понятием назначечства». Ниже он приводит рассказ крестьянина-середняка: даже если за коммунистов подают меньше голосов, чем за иных кандидатов, их всё равно проводят в сельсовет, а хозяйственных мужиков обзывают кулаками [15; 4].

Недостатки сложившейся системы государственной власти были суммированы в письме жителя села Емуртлинское Тюменского округа Уральской области Г. С. Булатова, отправленном в конце января 1925 г. председателю ВЦИК М. И. Калинину[14; 173]. Он отмечал: «Надо откровенно сказать, что в деревне коммунистов очень мало, а еще меньше того идейных коммунистов пользующихся авторитетом и доверием населения (1% не больше), состоящие на ответственных постах заразились карьеризмом, от масс оторвались. При выборах обычно проводится список выставленный [коммунистической] фракцией. Крестьяне втихомолку возмущаются, но открыто выступать против той или иной нежеланной кандидатуры не смеют». Далее он советовал, и это характеризует автора как сторонника не только Советской власти, но и Компартии: «В осуществление целей перехода на “демократические” выборные начала нужна большая подготовка руководящих полигорганов... Но здесь... необходима самая умелая тактика подхода, чтобы крестьянство могло думать, что оно проявляет лишь свою волю, а не выполняет желание руководящих органов».

Не случайно в обширной резолюции «О работе в деревне», принятой XIII съездом РКП(б), констатировалось, что особенно неотложной задачей является улучшение советского аппарата[3; 249-250]. В развитие этого постановления состоявшийся в октябре 1924 г. пленум ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о работе в деревне. От деревенских парторганизаций теперь требовалось не только заниматься политическим воспитанием своих членов и политическим просвещением крестьянских масс, но и уделять должное внимание

вопросам хозяйственной и культурной жизни деревни, не допуская подмены советов и их исполнкомов, кооперативных органов и других сельских структур партийными органами[3; 300]. Это получило название поворота партии «лицом к деревне».

Одним из следствий нового курса было то, что были отменены результаты выборов в регионах с низкой явкой избирателей. На весну 1925 г. были назначены новые выборы в местные советы на селе. Любопытна оценка, которую дал этому факту один середняк из села Старая Тараба Барнаульского уезда: «Центр узнал, что партийные сами себя избирали и отменил выбора»[12; 97].

Негативное большей частью отношение к сельским коммунистам привело к тому, что на выборах марта 1925 г. их доля среди избранных в советы уменьшилась. Омский окружком РКП(б) объяснял это следующим образом: «Причин к этому имеется несколько. К основным из них относится то, что многие из деревенских партийцев в своей прошлой работе – проштрафились в глазах населения (пьянство, растраты бюджета и т.д.) с другой стороны – большинство деревенских коммунистов в прошлые годы и в настоящее время активно ведут борьбу с самогоном, участвовали в проведении налоговых кампаний (разверстка, продналог), особенно же выявился во время вторичных перевыборов отрицательный взгляд населения – на “чужих”, т. е. на приезжих партийцев, занимающих ответственные выборные должности, это одна сторона, другая же не менее важная, отозвавшаяся на результатах выборов, это очень слабая активность деревенских партийцев во время перевыборов»[18; 116]. Забавно, что в одну кучу свалены совершенно разнородные причины нелюбви к коммунистам: пьянство – и борьба с самогонкой, растраты – и участие в налоговых кампаниях, и т. д. Впрочем, реально имело место и то, и другое, и третье. И всё это действительно не способствовало росту авторитета членов партии.

Часть крестьян – причём не только зажиточные, но и середняки и даже беднота – понимали новый политический курс как начало ухода коммунистов из руководящих советских органов. Во многих местах не прошли списки кандидатов, предложенные избирательными комиссиями. И опять членам партии припоминали их участие во взимании разверстки. Вероятно, некоторые из селян испытывали что-то вроде злорадства: «Скоро будем делать вычистку коммунистов, т. к. Рыков теперь стал белый и коммунистов ненавидит»; «Меня избрали в с/совет и теперь мы можем смело сказать – долой коммунистов». Агентура ОГПУ доносила, что «кулачество питает надеждой на то, что рано или поздно они должны будут взяться “за уничтожение” коммунистов, а при удобном случае они этот лозунг приводят в исполнение» (в качестве примера – случай убийства коммуниста заманившими его к себе кулаками). Ходили слухи, что

скоро будет война, западные державы нападут на СССР, тогда коммунистов всех перебьют. Или – в более мягкой форме: «В верхах что-то кроется умное, чтобы не было кровопролития, сначала ставят к власти из надёжных зажиточных, ружья у всех [членов] РКП отобрали, а потом скажут – товарищи... Власть наша...». Узнав, что избиркомы не будут выдвигать свои списки кандидатов, крестьяне выражали надежду, что партийцы уходят в отставку, власть их ослабла, и теперь в сельсоветы выберут крестьян, которые отменят налог[5; 4, 7, 10-11; 7; 52; 8; 58-59; 11; 1об., 24об., 47об.; 12; 9, 97].

Уменьшение доли коммунистов в деревенских советах и их исполнкомах вызывало понятную обеспокоенность партийных организаций. Об этом свидетельствует доклад начальника Кольчугинского окружного отдела ОГПУ Долгова начальнику Томского губотдела ОГПУ, копия которого была представлена секретарю окружкома РКП(б) Комарову и председателю Щегловского исполнкома Орлянскому: «О выборах по Усть-Сосновскому, Щегловскому, Красному, Бачатскому и Кузнецкому районам»[8; 72-75]. Местами эта информация звучит почти анекдотично. Так, на выборах в деревне Горскиной ячейка РКП(б) хотела провести в состав сельсовета некоторых своих членов, но они не были избраны. Ячейка пыталась оспорить это решение, указывая на неправильность проведения выборов. Однако из доклада уполномоченного избиркома, проводившего там собрание, видно, что процедура выборов производилась правильно, но в момент выдвижения кандидатов от партичайки население их критиковало. Один из предложенных сельской ячейкой кандидатов оказался самогонщиком, а на перевыборном собрании беспартийный крестьянин заявил, что все наши деревенские коммунисты – пьяницы, шкурники и головотяпы. На выборном собрании в деревне Какуй хотели выступать два члена партии, но им не дали говорить, поскольку эти товарищи «занимаются чересчур выпивкой, а в пьяном виде производят драки». В Каралдинском и Салаирском сельсоветах от ячейки РКП(б) никто не был избран. При этом один беспартийный крестьянин говорил: «Нам не надо в совет наших коммунистов, которые не выполняют директив центральной Советской власти, а делают по-своему». В деревне Пьянова крестьяне кричали: «Нам не надо воров», вспоминая секретаря сельсовета, члена партии, который собрал с крестьян 1500 рублей в счёт уплаты единого сельхозналога и скрылся. Другой кандидат от партичайки, работавший в крестьянском комитете общественной взаимопомощи, по-видимому, проворовался, за что был под судом. Оказалось также, что некоторые коммунисты, служившие в исполнкомах советов, не оплачивали коммунальные услуги, пользовались дома казённым керосином, возили для себя воду на казённых лошадях, неряшливо со-

держали квартиру, занимались любовными похождениями. А избранный председателем Плотниковского сельсовета член РКП(б) на районном съезде советов в Щегловске напился пьяный и потому прошел только кандидатом в члены райисполкома.

И тем не менее: в 1924-1925 гг. документы констатируют стремление крестьян, в основном бедноты, а также части середняков (некоторые из них служили в Красной армии) и отдельных представителей сельской интеллигенции вступить в РКП(б). Секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) С. В. Косиор отмечал возраставший авторитет «центральной коммунистической партии». Проведённое функционером Сиббюро А. Тамаринным обследование Рождественского района Кансского округа свидетельствовало: «Исключительная популярность в деревне имени В. И. Ленина и несомненное уважение к его детищу – РКП(б) обуславливают, что деревенская ячейка противопоставляется крестьянством партии в целом, так же как “местная власть” – РИК и сельсовет противопоставляются деревней Советской власти»[4; 111].

В конце мая 1925 г. на пленуме Омского губкома РКП(б) было отмечено, что в последний год среди крестьянства «заметно стало накопляться чувство симпатии к партии и Соввласти», хотя этот процесс и не был лишен проблем, связанных со сбором семенной ссуды и установлением лимитных цен на хлеб[17; 42]. Несколько позднее Омский окружком РКП(б) констатировал доверие крестьян к Советской власти, вызванное перевыборами советов и, главное, снижением налога[18; 24об.]. Томский губком РКП(б) информировал: «Есть и такие деревни, откуда крестьяне целыми группами подают заявления о вступлении в партию, прием которых пока задерживается отсутствием рекомендующих»[20; 8].

Местные партийные органы указывали основной мотив «напора крестьянства на партию»: «желание идти рука об руку с РКП и проводимой ею тяжёлой и большой работы на благо народа», а также усилением социального расслоения деревни и активизацией кулачества. Впрочем, отмечалось, что «небольшая часть попадает из тех, кто хочет получить работу». Однако уездные комитеты РКП(б) ограничивали приём крестьян. Можно предположить, что такое недоверие обижало сельских активистов, искренне желавших участвовать в социалистическом строительстве, поверивших Советской власти и Коммунистической партии.

Есть ещё любопытное наблюдение, зафиксированное в информационном отчёте Томского губкома РКП(б) за апрель-июнь 1925 г.: «На выдвижение б/п крестьян на ответработу – крестьяне реагировали весьма своеобразно. Одни против выдвижения в ГИК и наркоматы, т.к. выдвиженцы не могут сразу быть действительными руководителями, а также и то, что выдвижение портит людей. Кр-ну, дескать, нужно сначала поучиться в

РИКе, УИКе; а в некоторых районах (Поломошное) кр-не говорят: “если в РИКе работает и плохонький коммунист, всё-таки гораздо лучше он разбирается, чем мы б/партийные” домохозяева». Как характерный приводится губернским партийным комитетом и такой факт: в Прокопьевском районе (Кольчугинский, позднее Кузнецкий округ) «при всём старании секретаря райкома привести в состав правления ЕПО хотя бы одного беспартийного крестьянина – прошли все коммунисты, что объясняется большим авторитетом местных партийцев»[20; 51]. Конечно, вызывает сомнение, насколько этот факт характерен. В то же время губком не пытается объяснить, чем вызван авторитет местных членов партии. Позволим себе предположить, что дело было не в их партийной принадлежности, а просто они обладали качествами, необходимыми для работы в кооперации: хорошей технической грамотностью и хозяйственной сметкой.

И всё же в целом, даже после провозглашения поворота «лицом к деревне», настроения недоверия к коммунистам встречались, по-видимому, чаще. Тем более, что многие рядовые сельские партийцы растерялись, не знали, как действовать в новых условиях, считали, что власть их использовала, когда нужно было воевать, а теперь отодвинула на задний план. Только за время с 6 по 20 ноября 1925 г. информационный отдел ОГПУ в сводке о политическом и экономическом состоянии деревни зарегистрировал массу негативных высказываний в адрес коммунистов, в том числе по Сибири. Понятно, что функцией политического органа являлось отслеживание именно протестных настроений, но это не исключало появления в их документации примеров положительного отношения к власти и партии. Поэтому будем считать информацию органов ОГПУ достаточно адекватной. В селе Петрушиха Верх-Чумышского района Алтайской губернии беспартийный середняк Ч. говорил: «Народ в России совсем погас – живет плохо, раньше при царе много лучше жилось. Земля отобранная у господ не досталась крестьянам, а передали ее советским хозяйствам». В селе Косиха того же района середняк Т. заявлял: «В партию вошли бывшие офицеры, да поповские сынки, и правят, и как тут крестьянину подчиняться, если бы этих организаций вовсе не было, то крестьянину было бы лучше, ну все равно сколько бы она не существовала, а конец скоро». Надо полагать, речь здесь идёт о коммунистической партии. Середняк П. из того же села высказался в похожем духе: «Сейчас такое право, которые в первые дни революции воевали, сейчас для них нет службы, а как поповские сынки или которые скрывались, так сейчас занимают самые лучшие посты». На собрании крестьян деревни Воробьи Вороновского района Томской губернии по вопросу о молотьбе хлеба для комитета крестьянской общественной взаимопомощи середняк П.

протестовал: «Где же у нас партийные организации, которые сидят за спинами беспартийных, ни один из комсомольцев и коммунистов не записалась на общественную работу, а вот пьянистовать, да устраивать дебоши они могут». В посёлке Илька Ново-Брянской волости Бурят-Монгольской АССР один крестьянин в частной беседе выразил возмущение: «Большевики создают безработицу, чего не было при старой власти. Масса дармоедов сидят на шее мужика, а учреждения растут, как грибы. У власти стоят самозванцы, сами себя выбирающие, т. к. выборности нет»[13; 90].

Итак, в рассматриваемый период, по сравнению с предшествующими годами, отношение крестьян к Коммунистической партии стало более благоприятным. Это было обусловлено смягчением налоговой политики в отношении крестьянства, курсом РКП(б) на «оживление советов» и поворотом «лицом к деревне». Тем не менее, коммунистам долго не могли простить их участия во взимании продразвёрстки и весьма тяжёлого в Сибири продовольственного налога в первые два года новой экономической политики. К тому же в

коммунистах зачастую видели «чужих», «пришлых», поскольку многие из выбранных в местные советы и их исполкомы были рабочими, то есть горожанами, чуждыми крестьянскому труду. Доморощенные же партийцы не пользовались в большинстве своим авторитетом из-за их неумения или нежелания заниматься сельским хозяйством. Таким образом, несмотря на более благоприятную внутриполитическую обстановку в период расцвета нэпа, сохранялось отчуждение между массой сибирского крестьянства, озабоченного подъёмом своего хозяйства, и сельскими коммунистами. В результате перед руководством Коммунистической партии вставала проблема выбора дальнейшего пути: или рассматривать хозяйственное окрепших крестьян как важную опору РКП(б) и всемерно их поддерживать, или по-прежнему видеть в них «мелкобуржуазный», «собственнический» элемент и опираться на экономически несостоятельную, но классово близкую бедноту. Поворот ко второму варианту обозначился с конца 1925 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бюллетень* Омского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1925. № 13/38 – 14/39 (25 мая).
2. Гущин, Н. Я., Ильиных, В. А. /Н. Я. Гущин. Классовая борьба в сибирской деревне (1920 – середина 1930-х гг.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – 332 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в революциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 3. – М.: Политиздат, 1984. – 494 с.
4. Кузнецов, И. С. Массовая психология сибирского крестьянства и политическая жизнь деревни в 20-е гг. /И. С. Кузнецов // Актуальные проблемы истории Сибири. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. – С. 107-123.
5. Медведев, В. А. Как уничтожали класс: читая архивные документы. – Оконешниково: [Б. и.], 2003. – 125 с.
6. Осокина, В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. М.: Наука, 1978. – 232 с.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. Д. 34.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 827.
10. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 2.
11. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 309.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 87.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180.
14. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 166.
15. Советская Сибирь. 1925. 7 февр. С. 4.
16. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 158.
17. ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1.
18. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2.
19. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 126.
20. ЦДНИТО. ф. 1. Оп. 1. Д. 158.

□ Автор статьи:

Шуранова
Елена Николаевна
- канд. истор. наук, доц.. каф. истории России КемГУ